

бідь, 1992. – 608 с. 19. *Рябченко П.* Паперові гроші на території України // Розбудова держави. – 1996. – № 3. – С. 30-36. 20. *Семененко В.І.* Історія Східної України. Поновлення кайданів (1917 – 1922 роки). – Харків: Основа, 1995. – 400 с. 21. *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Історичний нарис. – К.: Либідь, 1999. – 976 с. 22. Українське державотворення: невитребуваний потенціал / За ред. *О.М. Мироненка*. – К.: Либідь, 1997. – 560 с. 23. Центральний державний архів вищих органів державної влади і державного управління України (ЦДАВОВУ).

Надійшла до редакції 07.11.2000 р.

УДК 342 (477) (091)

*Д.А. Тихоненков, канд. юрид. наук, доцент
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНОВ ГПУ УССР В 1922-1928 гг.

Государственное политическое управление УССР было образовано 22 марта 1922 г. постановлением ВУЦИК “Об упразднении Всеукраинской Чрезвычайной комиссии и об организации Госполитуправления” [3; 1922. – № 13. – Ст. 228]. При его разработке за основу был взят декрет Всероссийского ЦИК “Об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов” от 6 февраля 1922 г. [2; 1922. – № 16. – Ст. 160]. Госполитуправлению и его органам на местах предоставлялось право производства обысков, выемок и ареста лишь по делам о контрреволюционных выступлениях, бандитизме, шпионаже, хищениях на железнодорожных и водных путях сообщения, контрабанде и незаконном переходе государственной границы. Указанные меры допускались не иначе как по специальному постановлению ГПУ РСФСР (УССР) или губотдела ГПУ за подписью их председателей по особым ордерам. Исключение делалось для лиц, застигнутых на месте преступления, но и в этом случае требовалась санкция председателя органа ГПУ в течение 48 часов после принятия меры пресечения. Для предъявления обвинения устанавливался двухнедельный срок со дня ареста, а на проведение расследования отво-

дилось два месяца. Затем арестованный подлежал освобождению или зачислялся за судебным учреждением с одновременным направлением туда законченного производства. ГПУ могло испрашивать ВЦИК (ВУЦИК) разрешение на дальнейшую изоляцию, если того требовали особые обстоятельства дела, на срок, определенный Президиумом.

Более детальный порядок производства арестов и предъявления обвинения был закреплен 4 мая 1922 г. в приказе ГПУ РСФСР № 66. Принятый к руководству на Украине, он предписывал направлять арестованного в комендатуру. Постановление о мере пресечения и мотивированное обвинение составлялось уполномоченным ГПУ, в разработке которого находилось дело. Эти документы утверждались начальником органа ГПУ, а их копии отсылались в комендатуру. Комендант должен был прочитать обвинение арестованному, а последний расписывался в том, что его выслушал. В списке арестованных отмечалось, когда предъявлено обвинение, а копия самого обвинения с распиской арестованного отправлялись обратно уполномоченному ГПУ для приобщения к делу. В случае обнаружения арестованного, в отношении которого истекал установленный для предъявления обвинения срок, комендант был обязан оповестить соответствующего уполномоченного, а также доложить начальнику губотдела ГПУ. Уполномоченным рекомендовалось составлять обвинение, не дожидаясь истечения двухнедельного срока, а по мере выяснения степени виновности арестованного [5; ф. 8, оп. 1, д. 574, л. 238, 238 об.].

Введенные в действия соответственно с 1 июля и 20 сентября 1922 г. УПК РСФСР и УПК УССР закрепили за госполитуправлением статус органа дознания и не более [2; 1922. – № 20-21. – Ст. 230; 3; 1922. – № 41. – Ст. 598]. Предварительное расследование поручалось следователям, работавшим при судебных учреждениях. Однако практическая деятельность органов ГПУ с самого начала и в последующем выходила за рамки, определенные уголовно-процессуальными кодексами. Многие сотрудники ГПУ не могли привыкнуть, что теперь они должны ограничиваться проведением дознания, и с трудом изживали укоренившиеся в их работе методы периода «военного коммунизма». Кроме того, некоторые положения

нормативных актов Госполитуправления шли вразрез с новым законодательством об органах безопасности, в результате чего на местах часто возникали недоразумения и даже конфликты между ГПУ и другими органами, в том числе прокурорского надзора [5; ф. 8, оп. 1, д. 1487, л. 6; д. 1507, л. 29; д. 1508, л. 2 об.; д. 512, л. 80; д. 514, л. 7 об.; д. 517, л. 9].

Сохраняющаяся инерция «красного террора» и привычка полагаться на органы безопасности при каждом обострении политической и криминальной ситуации постоянно провоцировали расширение их прав. Механизм такого расширения был заложен еще в постановлениях о реорганизации российских и украинских ЧК: п. «е» ст. 2 каждого из этих документов среди других задач ГПУ называл «выполнение специальных поручений», исходящих от Президиумов ВЦИК, ВУЦИК или Совнаркомов республик [2; 1922. – № 16. – Ст. 160; 3; 1922. – № 13. – Ст. 228]. 6 декабря 1922 г. ВУЦИК принял постановление, в соответствии с которым органы ГПУ уже имели право вести предварительное следствие по делам о следующих общеуголовных преступлениях: а) организация банды, действия в ее составе, пособничество бандитам; б) разбой и в) квалификационный грабеж. Для передачи таких дел ГПУ требовалось постановление губернской комиссии в составе заместителя председателя исполкома, начальника отдела ГПУ и прокурора. При наличии постановления органы милиции и уголовного розыска были обязаны в оперативном отношении подчиняться ГПУ. На проведение следственных действий отводилось трое суток [3; 1922. – № 53. – Ст. 771]. В соответствии с секретным постановлением ВУЦИК от 20 сентября 1923 г. «О взаимоотношениях ГПУ и органов прокурорского надзора» и в изъятии из УПК органы ГПУ получили право проводить следствие по делам о контрреволюционных преступлениях и военном шпионаже [5; ф. 8, оп. 1, д. 1427, л. 226]. В разъяснение этих постановлений на местах были приняты соответствующие нормативные акты. Только в Подольской губернии 17 января, 6 августа и 12 ноября 1923 г. за подписями прокурора Яковлева, заведующего отделом управления Ракитова и начальника отдела ГПУ Заковского вышло три секретных циркуляра по данному вопросу [там же, д. 1488, л. 6, 14, 14 об., 21].

Несмотря на разъяснения, на периферии среди сотрудников ГПУ наблюдалось массовое незнание законодательства и даже элементарных требований УПК [там же, д. 507, л. 25; д. 512, л. 76 об.]. Последнее обстоятельство побудило Южное Окружное транспортное отделение ОГПУ в 1924 г. выработать для своих агентов подробную инструкцию по производству следствия и дознания, в которой подчеркивалось, что, прежде чем приступить к работе, агенты должны уяснить характер и род исследуемых ими преступлений, т.е. действуют ли они по делам, по которым: а) органам ГПУ предоставлено право производства предварительного следствия (о контрреволюции, шпионаже и должностных преступлениях сотрудников ГПУ); б) следствие является обязательным (т.е. по всем делам, подсудным губсудам и трибуналам); в) предварительное следствие не является обязательным. От определения статьи преступления и подсудности дела зависел весь ход дальнейших действий [1, с. 5-7].

При производстве дознания по всем делам, требующим в обязательном порядке предварительного следствия, агенты ГПУ должны были ограничиваться самыми безотлагательными действиями. Их работа сводилась: а) к установлению факта совершения преступления; б) уточнению статьи УК УССР, под которую оно попадает; в) выяснению обстоятельств его совершения; г) определению виновных лиц; д) сохранению следов преступления; е) принятию мер пресечения. На все это отводился месячный срок. Весь собранный материал направлялся следователю, в районе которого было совершено преступление. По делам, по которым предварительное следствие не являлось обязательным, органы ГПУ должны были проводить дознание в полном объеме, граничащим со следствием.

Оконченные дознания поступали к прокурору: а) при отсутствии в деле признаков состава преступления; б) при обнаружении виновных; в) когда дознанием добыты данные, изобличающие кого-либо в преступлении, за которое может быть назначено наказание не ниже одного года. Прокурор прекращал производство по делу или давал ему дальнейший ход. Если уголовное преследование было возбуждено непосредственно органом ГПУ, то за ним в течение двух недель со дня начала дела или ареста оставалось право самостоятельного прекращения дела без утверждения прокурора [1;

с 4, 5, 9, 10, 12, 24-26]. Законченные следственные производства вместе с заключениями уполномоченных ГПУ также направлялись в прокуратуру для прекращения или предания суду [5; ф. 539, оп. 2, д. 241, л. 16].

В течение 1922-1924 гг. сложилась практика, когда собранные ГПУ в процессе дознания материалы признавались достаточными и дела, минуя стадию предварительного следствия, передавались прямо в суд. А если и производились какие-либо следственные действия, то они, как правило, носили формальный характер. Следователь в соответствии со ст. 111 УПК УССР (ст. 109 УПК РСФСР) ограничивался предъявлением обвинения, допросом обвиняемого и составлением обвинительного заключения [там же, ф. 8, оп. 1, д. 1481, л. 27]. такая практика укреплялась и в последующие годы. Кроме того, органы ГПУ часто превышали свои полномочия. Нарастающая их активность в области расследования преступлений, в том числе им неподведомственных, требовала либо пересечения, либо правового обеспечения. Законодатель пошел по второму пути. Постановления ВУЦИК и СНК УССР от 9 июня 1926 г. и 10 октября 1928 г. предоставили органам ГПУ право ведения предварительного следствия в полном объеме по некоторым должностным, хозяйственным, имущественным и посягающим на порядок управления преступлениям. Значительно расширился спектр дел, по которым ГПУ имело право вести дознание. Прокурор мог признавать дознание достаточно полным и в изъятие из установленных УПК правил вернуть его в орган ГПУ для производства необходимых следственных действий [3; 1926. – № 31. – Ст. 244; 1928. – № 28. – Ст. 245]. Таким образом, в исследуемый период ГПУ выступало главным образом как орган дознания и предварительного следствия по ограниченному кругу преступлений, который, однако, постоянно расширялся.

Реорганизация органов безопасности 1922 г. предполагала, что расследуемые ГПУ дела будут рассматриваться исключительно в судебном порядке. Но уже 16 октября 1922 г. ВЦИК своим декретом предоставил ГПУ РСФСР право внесудебной расправы, вплоть до расстрела, в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях [2;

1922. – № 61. – Ст. 844]. Органы ГПУ УССР такого права не имели. На Украине в 1922-1923 гг. правом проведения в жизнь исключительной репрессии пользовались губернские и уездные военные совещания, созданные для борьбы с уголовным и политическим бандитизмом. К последнему причислялись крестьянские восстания и другие формы сопротивления советскому режиму [5; ф. 8, оп. 1, д. 1181, л. 4]. Именно по линии военсовещаний был учрежден так называемый «институт ответчиков». Его сущность сводилась к чисто механической ответственности ряда лиц за любое «проявление бандитизма» в районе селения, где они проживали [там же, д. 1484, л. 6]. Согласно приказу № 2 Киевского губвоенсовещания ответчики назначались из расчета один на 20 хат, но не менее двух на выселках, где более 20 хат, и не менее одного на хуторах. В случае поимки в селе главаря банды один из ответчиков расстреливался, а при убийстве или ранении представителя Советской власти, красноармейца или члена комбеда расстреливалось два ответчика. Если тело убитого скрывалось, кара увеличивалась вдвое. В остальных случаях в качестве меры наказания выступали штрафы и конфискация имущества ответчиков [там же, л. 7, 8]. В инструкциях к приказу № 2 указывалось, что главной целью создания такого института «является отнюдь не немедленный разгром бандитизма путем репрессий (что неосуществимо), а внесение раздора и расслоения в село, создания атмосферы, когда бандит будет бояться, что его выдадут, а ответчик, опасаясь репрессий, будет при случае выдавать бандитов, а затем, опасаясь мести с их стороны, может быть использован как старательный осведомитель» [там же, л. 9]. Вообще, рекомендовалось с помощью террора создавать такие условия, чтобы ответчики становились открытыми врагами бандитов. А через раздачу конфискованного имущества беднейшим крестьянам предполагалось заложить в деревне крепкую основу для борьбы с бандитизмом [там же, л. 9-13 об.].

Представители ГПУ оказывали активную помощь военсовещаниям, а также входили в состав различных троек. Так, в уездах Екатеринославской губернии с 12 по 15 января 1923 г. Были созданы тройки по «выкачке» оружия, состоявшие из представителей военсовещания, милиции и ГПУ. В соответствии с инструкцией губ-

отдела ГПУ они должны были в течение месяца изымать у населения оружие. Для каждого населенного пункта устанавливалась своя норма. Например, в Александрии предполагалось «выкачать» 7000 винтовок, 4 пулемета, 500 револьверов, 1000 бомб, 1500 шашек, 25000 патронов и 300 седел. Ради выполнения нормы они имели право производить аресты, устраивать повальные обыски, брать по указанию ГПУ заложников и т.п. [там же, д. 936, л. 137, 137 об.]. Подобные тройки организовывались по самым разнообразным вопросам. Представители ГПУ принимали также активное участие в деятельности чрезвычайных сессий губернских судов. Эти сессии рассматривали дела, расследование по которым проводилось органами ГПУ [4; с. 15-19].

С 1923 г. ГПУ включается в работу по административным высылкам. Эта мера репрессии состояла в удалении «неудобных» органов граждан из района постоянного жительства с запрещением возвращения. В свое время большевики сурово осуждали применявшиеся при царизме ссылки. Но, оказавшись у власти, уже в 1918 г. они начали высылать из Москвы и Петрограда меньшевиков, эсеров, анархистов, уголовников-рецидивистов и т.д. Большевистская высылка по смыслу декрета ВЦИК от 10 августа и аналогичного постановления ВУЦИК от 6 сентября 1923 г. скорее походила на ссылку. Лица, «причастные к контрреволюционным преступлениям», по постановлениям Особой комиссии при НКВД высылались в строго определенный район на срок не выше трех лет, где они поступали под надзор местного органа ГПУ. Побег с места высылки или по пути следования к нему карался по суду лишением свободы на срок не ниже одного года [2; 1922. – № 51. – Ст. 646; 3; 1922. – № 39. – Ст. 586].

Согласно декрету ВЦИК от 16 октября 1922 г. административная высылка распространялась на деятелей антисоветских партий и лиц, дважды судимых в прошлом за определенные уголовные преступления. Эти граждане признавались социально опасными и на месте высылки подлежали заключению в лагеря принудительных работ [2; 1922. – № 65. – Ст. 108]. В УССР данная категория лиц в соответствии с декретом ВУЦИК от 6 декабря 1922 г. заключалась (за отсутствием лагерей) в дома принудительных работ. Начальни-

ком губотделов ГПУ предоставлялось право через прокурора возбуждать ходатайство перед Особой комиссией при НКВД об административной высылке лиц, причастных к контрабанде. В остальных случаях это делали заведующие отделами управления. При получении данных, что высылкаемое лицо желает скрыться, вышеуказанные начальники могли отдать распоряжение о его аресте. Копия соответствующего постановления должна в течение 24 часов направляться прокурору, который на протяжении двух суток решал вопрос об утверждении избранной меры пресечения [5; ф. 8, оп. 1, д. 1488, л. 6].

Более подробно порядок высылки был определен в инструкции НКВД РСФСР от 3 января 1923 г., где указывалось, что административная высылка должна применяться к лицам, пребывание которых в определенных местностях представляется опасным «по их деятельности, прошлому и связи с преступной средой» [2; 1923. – № 8. – Ст. 108]. В изданной в том же году Наркомюстом УССР таблице мер социальной защиты подчеркивалось, что такая административная мера может применяться даже без предъявления какого-либо обвинения; эта же мысль высказывалась и в разосланных «Тезисах для агитаторов» при циркуляре ЦК КП(б)У от 23 января 1923 г. за № 580 [5; ф. 8, оп. 1, д. 1489, л. 28].

28 марта 1924 г. на заседании президиума ЦИК СССР (протокол № 8, п. 4) было утверждено секретное положение «О правах органов ГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря». Особое совещание, состоящее из трех членов Коллегии ОГПУ, получило исключительное право применять указанные в названии документа административные меры в отношении лиц, причастных к различным государственным преступлениям [там же, оп. 3, д. 1769, л. 84].

При ГПУ УССР также было образовано Особое совещание, активно занимавшееся административными высылками. К примеру, с 1 апреля 1926 г. по 1 января 1927 г. был выслан 371 контрабандист, а за 12 месяцев 1927 г. – 696. Усиление карательных мер в отношении этой категории лиц было заложено в постановлении ЦИК СССР от 13 мая 1927 г., предоставившим ОГПУ полномочия по вынесению внесудебных приговоров и административным высылкам

контрабандистов [там же, л. 27, 28].

Таким образом, к концу 20-х гг. правовой статус органов ГПУ включал в себя значительные полномочия при расследовании преступлений, наличие судебных прерогатив через участие представителей ГПУ в системе чрезвычайных сессий, а также возможности вынесения внесудебных приговоров, проведения высылки и других административных мер.

Список литературы: 1. Инструкция агентам ТООГПУ по производству Следствий и дознаний (Дорож. Трансп. Отдел Объедин. Гос. Полит. Управления Екатерин. жел. дор.). – Екатеринославль, 1924. 2. СУ РСФСР. 1922-1928. 3. СУ УССР. – 1922-1928. 4. Тихоненков Д.А. Участие органов ГПУ УССР в деятельности чрезвычайных сессий 1922-1928 гг. // Пробл. законности: Респ. межвідом. наук. зб. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 1999. – Вип. 40. – С. 15-19. 5. ЦГАВО Украины. – Фонды 1, 8, 539.

Надійшла до редакції 27.11.2000 р.

УДК 342(477)(091)

С.А. Черниченко, канд. ист. наук, доцент
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков

АДВОКАТУРА УКРАИНЫ В ПЕРИОД НЭПА (1922 – 1929 гг.)

С утверждением ВУЦИКом 28 июня 1922 г. «Положения о прокурорском надзоре» [10; 1922. - № 28. - Ст. 440) в Украине стали формироваться органы советской прокуратуры. Ее создание, появление в суде государственного обвинителя – прокурора потребовало существенных изменений и в организации судебной защиты и судебного представительства, возникла необходимость образования новой советской адвокатуры. 2 октября 1922 г. ВУЦИК утвердил «Положение об адвокатуре», в соответствии с которым в Украине при губернских советах народных судей организовывались губернские коллегии защитников по уголовным и гражданским делам. Их членами могли быть лица, имеющие стаж ответственной практической работы в органах советской юстиции не менее двух лет или